

Николай Лесков

Легенды о совестном Даниле

Николай Лесков

Легенды о совестном Даниле

«Public Domain»

1888

Лесков Н. С.

Легенды о совестном Даниле / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1888

В основу повести положен сюжет древнерусского Пролога. Первая публикация имела примечание автора: «При обозрении книг древних Прологов, с целью определить содержащийся в них повествовательный материал, которым нынче интересуются, я нашёл в этом старинном источнике ровно сто тем или «прологов», более или менее удобных для литературного воспроизведения...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Николай Семенович Лесков

Легенды о совестном Даниле

Пристрастие не дальновидно, а ненависть вовсе ничего не видит.
Исидор Полусиот (Письмо к Кириллу)

Легко тому, чьё сердце не знает сострадания, но пусть он, однако, не радуется, ибо его постигнет жестокое мучение и оно начнёт терзать его тогда, когда он будет уже не в состоянии исправить свою вину. Огонь геенский, по моему суждению, есть не что иное, как позднее раскаяние.
Исаак Сирий (с.л. XVIII)

Полторы тысячи лет тому назад на Востоке, близ Синайской горы, жил в маленьком ските молодой человек, по имени Данила. Скит в тогдaшнее время не был похож на нынешние русские скиты, где живут монахи, у которых есть храмы и готовое содержание. В старое время на Востоке скитом называли несколько хижин, — чаще несколько пещерок в горе, да вокруг тесное ограждённое место, где ютились три или четыре человека, собравшиеся по единому мыслию, чтобы жить вдали от соблазнов. Люди эти вели строгую жизнь и питались трудами своих рук. Церквей у них не было и не было тоже и священников, и долгое время скитниками не управляло никакое начальство.

Скиты устраивались легко и не скрывали в себе никаких драгоценностей, а располагались они часто близко к самому рубежу крещёной земли, чтобы иметь возможность научать христианской вере «варваров». Варварами называли некрещёных людей, которых было ещё много повсюду. Много их кочевало и в жарких степях близ Синая.

Порубежные скитники от варваров не скрывались, а, напротив, сами искали случая встречаться с ними, чтобы говорить им о благе, которое может миру дать Христово учение. Они старались убедить варваров, что Бог есть Отец всех людей и что воля Его заключается в том, чтобы все люди жили в любви и чтобы никто не делал друг другу никакого зла, а если кого обидят, чтобы он не мстил, но старался бы заплатить за обиду добром и победил зло любовью, ибо только одна любовь обнаруживает зло и побеждает его. Варвары же по дикости своей не понимали и не верили, что все люди равно достойны сострадания и что прощение обид может привести мир на землю. Они надеялись на силу и часто нападали на ближайших скитников, а как скитники были бедны и взять у них было нечего, то варвары забирали самих их к себе в неволю, угоняли в степи и там заставляли пленников стеречь своих коней, ослов и верблюдов, стричь овец и сушить навоз с бурьяном на топливо.

Случилось, что варвары напали и на тот скит на Синае, где жил Данила. Сколько здесь было старых людей — они всех перебили, а Данилу, как человека молодого и годного к работе, взяли с собою, связали ему ноги, посадили на верблюда и увезли очень далеко в степь, а там приставили его караулить стада от зверей и от хищников.

Данила служил своим пленителям долго, научился ихнему языку и перекочевывал с ними с места на место несколько лет. Он их веру не порочил, а они не мешали ему верить по-своему и, замечая, как он живёт с ними честно, до того в нём уверились, что совсем не стали за ним смотреть, а во всём на него полагались, будто как на своего человека. Данила несколько раз мог бросить порученные ему стада, сесть на коня и ускакать, но ни разу на это не покусился. А потом Данила стал замечать, что варвары как будто стали любить слушать, как он рассуждает по-христиански, и во многих суждениях начали сами и говорить, и делать с ним согласно. Стало Даниле и жить хорошо, и начал он понимать, что он живёт с чужими людьми не без пользы, потому что наводит их на хорошее исследование доброму учению. Но раз прискакал

на своем коне один варвар, бывший на рубеже, и объявил, что крещёные прислали через него за Данилу выкуп и что теперь Данилу надо отпустить.

Данила очень обрадовался, что может вернуться к своим, но как остался он последнюю ночь в степи под шатром, стало ему жалко и варваров. «Вот, – думалось ему, – только что некоторые из них начали было по-доброму рассуждать и поступать с другими милостивее, а вот я теперь уйду – они опять всё позабудут и обратятся к старинной злобе. Мне бы их беречь в добре, а я ухожу... Ведь это и есть моё дело, для которого я оставил дом и стал жить в ските, откуда пленён был». Но желание жить в обществе своих людей христианской веры всё-таки стало сильнее этих суждений, и Данила решился уйти. А варвары поделили между собою присланный выкуп, дали Даниле тыкву воды и белого пшена и послали двух верховых, чтобы проводить его до рубежа, откуда он без опасения может один идти к крещёным.

Данила благополучно воротился к себе за рубеж и стал жить прежнюю скитскую жизнью. Но это недолго продолжалось: через полгода наскружили на их скит другие темнолицые варвары и опять угнали Данилу в плен и заставили его сушить навоз для огня и сторожить овец, коней и верблюдов.

Даниле теперь гораздо досаднее сделалось, чем в первый раз, да и жить ему с этими варварами показалось хуже, потому что с прежними он был уже обвыкшись и они с ним были ласковее, а эти его не знали и не заботились о нём, а показали, что делать, и оставили без присмотра.

Он стал всё больше скучать и рассуждать, что варвары владеют им совсем неправильно, потому что он уже раз выкуплен, и, улучив удобное время, покинул всё, что ему доверено, и убежал. И опять благополучно перебрался за рубеж крещёной земли и пришёл в скит; но варвары скоро его хватились, вскочили на коней, прискакали к скиту, всю огорожу развалили, все пещерки поразметали и старых людей побили, а Данилу опять в плен повели пешим, прицепив его верёвкою за шею к верблюжьему седлу. Для того же, чтобы Данила не останавливался, а скорее поспевал за верблюдом, сзади его ехал молодой варвар и колот Данилу острым копьём в спину. Подвигался Данила немощными ногами, стелая, и на след его по пескам капала его кровь.

Идучи за этим караваном, Данила вспоминал свои два прежние плена и плакал, что ни в первый, ни во второй раз над ним никогда такого свирепого тиранства не было, и почувствовал он в себе против своих мучителей несносное озлобление, особенно против того молодого сильного варвара, который был чёрен как Мури¹ и ехал верхом на вороном коне в самом хвосте каравана и подгонял Данилу копьём в спину.

Поднимался против него в Даниле после каждого поранения такой дух мести, что если бы сила его взяла, то он так бы на этого варвара и бросился и убил бы его.

А озлобляющий Данилу молодой эфиоп всё едет в высоком седле и белыми зубами скрипит, а глазами ворочает и всё Данилу копьём колет.

Привели варвары Данилу на своё становище, где у них шатры раскинуты и большой и мелкий скот пасётся. Тут они слезли с коней, и жёны, и дети к ним из-под шатров выбежали, одни у них стали коней и верблюдов принимать и рассёдлывать, а другие пшено в котлах заваривали, и вот все стали есть и Даниле варёного пшена на лопухе бросили, а сами разговаривают, что надо им это становище завтра кинуть и на другое идти, потому что здесь вокруг трава жаром спалена и скоту голодно.

¹ *Мури* – чёрный человек, эфиоп. В некоторых церковных книгах муринами называются также бесы (Иерем. XLVI, 9) (Прим. автора.)

Данила же, долго жив между варварами, понимал их разговор и думал: «ну, если завтра меня опять идти на ногах погонят, то я не могу, и пусть они лучше сразу убьют меня мечом или пикою».

Но за ночь вышла перемена: тот самый чёрный варвар, который гнал Данилу, разболелся страшной горячкой, так что жена его копала руками холодную глину и обкладывала ему голову. Тогда другие сказали:

– Оставим их один шатёр здесь и пленника с ними. Прикуём ему на ногу колодку, и пусть он им тут работает, а жена пусть за мужем смотрит, пока он поправится.

Данила же радовался, что он отдохнёт и раны его хоть немножко заживут.

Так караван и отбыл, а один шатёр остался на старом месте и при нём конь, верблюд и осёл, и при них настороже Данила, а к нему за ногу приклепали на цепи толстое и тяжёлое полено, с которым насилу можно было ноги двигать.

Между варварами, как и между крещёными, но непросвещёнными людьми, есть такие суеверные, которые будто в бога верят, а сами любят примечать приметы и выводить от них причины вещей по своим догадкам. Жене варвара привиделось во сне, будто Данила принёс им несчастье, и она сказала это мужу и детям, и стали вместе ещё жесточе озлоблять Данилу. А напоследок эта варварка сказала своему мужу:

– Только ему и жить на свете, что до твоей смерти. Если же ты умрешь, – то обещаюсь тебе, что я убью этого пленника, который принёс нам несчастье, и зарою его в песке у ног твоих. Это и будет за тебя отомщение.

Данила, как услышал это, так стал думать, что теперь ему делать? Время для размышления было очень коротко, а меч на его погубление близок и отточен на обе стороны. Прошел ещё день, и больному стало хуже, а вдобавок, в шатре не хватало воды. Только больному давали пить и то понемножку, а эфиопка сама не пила и Даниле пить не давала, но при всём том всё-таки к вечеру осталось воды в запасном кубане на самом доньшке. Данилу не хотели послать по воду, чтобы он не ушёл, да он и не знал, где надо искать колодезь, а потому поднялась сама эфиопка. Взяла она горластый муравлений кубан на плечо, а грудного мальчишку подцепила покрывалом за спину и пошла к колодезю, а колодезь от шатра был на полдня пути. За собою она повела также ослёнка с пустыми мехами, а за мехами к хвосту посадила на костреце старшую девочку. Данила остался один при шатре, чтобы стеречь коня и верблюда и помочь повернуться больному варвару. Больной же метался в жару и гневился без порядка, спрашивая с Данилы то одно, то другое, и прежде чем пленник успевал исполнить один его приказ, он ему заказывал другое наново. Данила и за верблюдом и за конём смотрел, и отмахивал камышовым листом острых жёлтых мух, которые садились на покрытое болезненным потом лицо эфиопа, и пёк для него в раскалённых камнях у поднятой полы шатра катышки из просяной муки. А жар палестинский такой, что и здоровому его нет силы вытерпеть, не только больному, и эфиоп всё просит пить, и когда всю последнюю воду выпил, то стал говорить, будто её выпил Данила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.